

Виктория Левина

СР
ОВРЕМЕННИКИ
И ЛАССИКИ

Я сегодня Ван Гог

Современники и классики

Виктория Левина

Я сегодня Ван Гог (сборник)

«ИП Березина Г.Н.»

2019

УДК 821.161.1
ББК 84(2 Рос=Рус)6

Левина В.

Я сегодня Ван Гог (сборник) / В. Левина — «ИП Березина Г.Н.»,
2019 — (Современники и классики)

ISBN 978-5-906957-45-0

Что движет человеком, когда он вовлечен в творческий процесс? Что укажет поэту строфу, композитору – неведомую гармонию, архитектору – «застывшую музыку», художнику – экспрессивную палитру? Что это – творчество? Что лежит в его основе – пресловутый божественный поцелуй в темечко или мастерство, замешанное на размышлениях о смысле жизни? На эти вопросы берётся ответить автор книги о творцах и о процессе творчества, о мимолётных мгновениях, когда прилетает Муза и касается плеча... В книге собраны стихи, рассказы, зарисовки о тех, кто творил. Разные имена, страны, века. А общее одно – искра Божья в каждом творении.

УДК 821.161.1
ББК 84(2 Рос=Рус)6

ISBN 978-5-906957-45-0

© Левина В., 2019
© ИП Березина Г.Н., 2019

Содержание

Я сегодня – Ван Гог...	9
Гора Свержения	10
И лишь слова...	11
О бельгийской земле распевая повсюду...	12
Ницца. Дом Паганини...	13
У дома Анны Франк	14
О Милане прекрасном два слова...	15
Пел певец Эллады	16
Вальс. Равель	17
Бартоку	18
Играют Стравинского	19
Вивальди в Яффо	20
И если ты владеешь нотным станом...	21
Прага Марины Цветаевой	23
Прага Марины	23
Марина и Сергей	24
Деревни Марины	25
Как жаль любви...	26
Памятник Моцарту в Вене	28
Пауль Клее	29
Я, как он, – напишу про окружность...	31
Читаю Бродского...	32
Гарвард	33
В Манхэттене, на знаменитой Пятой Авеню...	34
Метрополитен. Балет Золушка	35
Лос-Анжелес, Лос-Анжелес	36
Читая Константина Кикоина	37
Кантилена	38
О бабочках Саши Соколова. Рондо	39
Был голос тал... Кантата	40
Я уеду в Назарет на заре...	41
Не хлебом единым...	42
В виноградниках	43
Эмоций чувственным наркозом...	44
Скрипка разговаривала с Богом...	45
Я куплю твою подпись, поцелованный богом!	46
Перед картиной Марка Шагала	47
По прочтении стихов Кенжеева...	48
Музей. Иерусалим	49
Как делали мозаику старинную	50
Шуберт	51
Россини	52
Рахманинов. Всенощное бдение	53
Гармоний чувственным узором...	55
и только музыка...	56
Макбет	57

Ромео и Джульетта	58
Опера молодая	59
Спасибо за музыку	59
Вилла Италия	60
Нью-Йорк, Нью-Йорк...	61
Интервью	62
Золушка или Торжество добродетели	63
Маски и игры. Триптих	64
«Детский уголок». Клод Дебюсси	64
«Петрушка» Игоря Стравинского	65
«Лунный Пьеро» Арнольда Шёнберга	66
по бетонной стене...	67
Конец ознакомительного фрагмента.	68

Виктория Левина

Я сегодня Ван Гог

© Виктория Левина, 2019

© Интернациональный Союз писателей, 2019

Родиться имела честь в бывшем СССР, на стратегическом аэродроме, что на китайской границе в Читинской области. Случилось это в семье папы-лётчика и мамы-радистки в 1954 году, к несусветной радости двух израненных фронтовиков.

Росла на Украине, ходила в пионерках, даже удостоилась быть командиром пионерской дружины, чем очень разочаровывала философски настроенного папку, имевшего к тому времени диссидентский настрой ума.

Тогда же и случились первые литературные опыты. Писалось в муках, в состоянии оγοшенности от появления опусов на свет, они были обильно смочены слезой от первых влюблённостей...

И вдруг – Москва! Учёба в Бауманке, огромная любовь, потрясшая основу бытия, музыка, камерные хоры с гастроями и – стихи, и – небольшие рассказы!

Однажды, прилетев на короткую побывку к обожаемым родителям, случайно оказалась на литературном конкурсе на Украине – и победила! Состояние шока. Неожиданная окрылённость занесла в редакцию «Юности», где по рекомендации маститых украинских «виршистов» и пропечаталась.

Писалось хорошо везде – на тесной кухоньке в хрущёвской «двушке» – шумной и прокуренной квартирке студенческой семьи, на конференциях, на пне в походных условиях, под гитару и портвейн, у детской постели с посапывающими во сне дочечками.

Выходили подборки на Украине, в России. Литературные семинары, литературные друзья на всю жизнь...

А потом всё кончилось. И был Израиль, и было синее-синее небо, и пальмы, и море. И скалы пустыни Негев с горными козлами на склонах, и библейские тропы, по которым ходил Бог...

Имею я и свою аудиторию, и десятки тысяч горячо любимых мною читателей, которые заходят на мою литературную страничку в инете.

Мой второй «израильский» муж понимает понемногу мой родной язык, но не настолько, чтобы понять всю глубину моей радости, когда что-то из пролившегося на виртуального читателя вдруг прорывается на главные страницы медики. Он просто радуется вместе со мной и тихо гладит меня по голове, когда я читаю ему новорожденное, переводя каждое слово...

Я сегодня – Ван Гог...

Романс

Я сегодня – Ван Гог,
мои тени деревьев красны,
на руках – фиолетовым пламенем
вспучены вены...
И расхристанный бог
рыжей с синим забытой весны
мне картины рисует – как в знамени
юной вселенной!

Мне сегодня видны
ярко-розовый цвет облаков,
что надеты, как бусы, на неба
зелёного дали
и лиловой луны
очарованной диск, и цветов,
оппадающих чёрным, как небыль,
созвездья печали...

Подчиняется мне
всей палитрой усвоенных лет
суть знамений, влюблённостей полных,
предсказанной доли.
И уже прорисован вчерне
яркой масляной краской сюжет:
моя жизнь – как тот жёлтый подсолнух
на ветренном поле...¹

¹ «Подсолнухи» – название картины нидерландского художника Винсента ван Гога из первой, «парижской», серии (1887 год). Она посвящена лежащим цветам.

Гора Свержения

Гора Свержения². Парю, стою над бездною,
на цикломены не смотрю (цветут, прелестные!),

на сотни сосен и камней (так... украшение...)
На гору гнали главарей – для устрашения.

А он тогда стоял на краешке, непризнанный,
и на него всюду глядел весь город «избранный»!

«Ворона белая», изгой в своём отечестве,
на край скалы привёл простое человечество

и показал всем им, отвергнувшим познание,
что – смел и мудр, неуязвим и горд изгнанием!

Там кто-то подлый подтолкнул, и в полдень ветренный
пророк бесстрашно сиганул в своё бессмертие!

А может быть, слова нашёл душою любящей
и молча сквозь толпу прошёл к Голгофе будущей...

А может, слепо поглядел, как смотрят странники,
и – растворился, улетел, как время праздников...

А там, внизу, стояла мать, глядела пристально,
стараясь в птице распознать судьбу и истину.

² Гора Свержения – одно из чтимых христианами мест на Святой Земле. Евреи называют ее «Хар ха-Кфица» или «Гора Прыжка». Согласно Евангелию, жители Назарета в ярости хотели сбросить Господа за Его проповедь и повели Его к этому месту. Но он исчез, пройдя сквозь них: «Услышавши это, все исполнились ярости и вставши, выгнали Его вон из города и повели на вершину горы, на которой город их был построен, чтобы свергнуть Его, но Он, прошед посреди них, удалился...». Недалеко от горы можно видеть развалины церкви «Богородицы в страхе». По преданию, Пресвятая Богородица стояла на этом месте и наблюдала, как разъяренные жители Назарета повлекли Ее Сына на высокий утес, чтобы свергнуть в пропасть.

И лишь слова...

И снова строю виртуально жизнь из кубиков:
что было, если б не пошла дорожкой встречною,
что было, если бы другой любви пригубила,
уста медовые и радость быстротечную?

Проблема выбора встаёт всё актуальнее:
не оскудеет ли рука щедрот и Господа,
когда возникнет за окном горой сакральной
пейзаж заморского жилья, что долей послано?

И как мне быть, и что мне делать, чтобы ангелы,
что в спину дышат, продолжали покровительство?
И не пора ли прекращать скитанья дальние
и все удачи обращать в домостроительство?

И лишь слова, что прилетают с неба птицами,
слагают строки моего стихотворения,
и буква каждая кивает, что сгодится мне,
ни кривотолк не предвещающая, ни сомнения...

О бельгийской земле распеваая повсюду...

Видишь след золотой на брусчатке Брюсселя³? —
Это путь, по которому шли менестрели.

Здесь бродили студенты, растили таланты —
в разухабистых песнях рождались ваганты...
Мимо глыбы Собора и ратуши мимо
по дорогам Брюсселя брели пилигримы.

Королевскою площадью и галереей
прохожу и предчувствую, что заболею

твоей прелестью, арками, шармом, дворцами,
шоколадными, в сладком томленьи, губами...

Осторожно – к Гран-Пласу, к Дворцу – осторожно, —
скоро эту красу позабыть невозможно!

И останусь бродить по брюссельским дорогам
пилигримом, просящим, как милости, бога

ощущать этот воздух, вбирать это чудо,
о бельгийской земле распеваая повсюду...

³ Брюссель великолепен, богат историей и роскошно уютен, этот город является воплощением наследия северной культуры в ее лучшем виде. Центр города можно разделить на две части – верхнюю и нижнюю: верхний город переполнен широкими бульварами и величественными зданиями, а нижний город – это лабиринт узеньких средневековых улочек, окружающих одну из красивейших площадей в Европе – площадь Гранд Плас.

Ницца. Дом Паганини...

Ницца. Дом Паганини. Рождественский рынок.
Слепо окна глядят на излишество света...
Папский дом проклинал в парадигме ухмылок
неуёмный огонь скрипача и поэта⁴!

Папский дом душу дьявола видел и адом
неуёмному телу грозил в исступленьи!
Бальзамировал плоть. И гробы, как награду,
разрешал на повторные захороненья...

На безумства святош, фарисейство и мифы —
он ответил пассажем бессмертных творений!
На подпиленных струнах судьбы да на грифе,
испоганенном завистью, — ширился гений.

Для избранников божьих, отважно рискнувших
приближаться к Николло, — в истории место.
Старой Ниццы дома в переулках уснувших.
По брусчатке хромает бессмертный Маэстро.

⁴ Дом Никколо Паганини – находится в Старой Ницце. Его скрипка умолкла вечером 27 мая 1840 года в квартире на втором этаже дома, что неподалеку от старого кафедрального собора – теперь там мемориальная доска. Никколо Паганини церковь запретила хоронить по-христианскому обряду, ибо бытовало мнение, что он продал душу дьяволу. После долгих мытарств его прах обрел покой на кладбище в Парме.

У дома Анны Франк

Прочитан весь дневник⁵. Я – девочка. Я – Анна.
Я не люблю зануд. Талантлива. Легка.
Воспитывают все и пилят постоянно.
Пытливый, острый ум и – детская рука...

Отрезана от войн дубовым книжным шкафом,
отрезана от звёзд и ветра, и луны...
Еврейское лицо – наследие от папы,
от мамы – лишь глаза, страданием полны.

Ещё не влюблена, но слышу голос плоти.
Познаю ли любовь? Скорее «нет», чем «да».
Замедлен бег секунд. Полиция в пролёте
чердачных этажей. Нашитая звезда.

Написанный дневник хранит движенье мысли
и радость, и печаль, и горе сорванца!
Галактику вместил простой по виду листик.
Я – Анна, я – судьба, похожая с лица...

⁵ Дом-музей Анны Франк – дом в Амстердаме на набережной Принсенграхт, в задних комнатах которого еврейская девочка Анна Франк скрывалась со своей семьёй от нацистов. Здесь же она написала свой дневник.

О Милане прекрасном два слова...

О Милане прекрасном два слова —
Микеланджело Буонаротти,
замок Сфорца иль крепость Сфорцеско —
как удобнее, так и зови...
Галерею Витторио снова
посетите – к Ла Скала пройдёте,
и да Винчевой «тайною» фреской
задохнётесь в порыве любви!

Я рыдала на Пьяцца Дуомо
от кружившего голову чуда!
Я касалась святынь и паролей,
отшлифованных сотнею рук...
И «Пьета Рондонини» – знакомой
плотью мрамора светит оттуда⁶,
а Да Винчи недюжинной долей
замыкает Ломбардии круг.

Пел фонтан возле замка Сфорцеско
(У Ломбардии – синее небо!).
У Милана, красивого ликом,
поразительно лёгкая стать!
Даже ветры, задувшие резко,
не испортили прелести, – мне бы
эту лёгкость, изящества блики
утончённого города взять...

⁶ «Пьета Ронданини» (Милан, Каstellо Сфорцеско) – последнее из скульптурных произведений Микеланджело, над которым он работал еще за несколько дней до смерти.

Пел певец Эллады

после концерта Димитриса Басиса

Греческие танцы истово и страстно,
выбежав на сцену, в зале танцевали,
пели под бузуки, а певец прекрасный
с греческим ансамблем – сердце разрывали!

Как впитала песня Греции волшебной
горный и приморский ветер побережья,
как плясали люди – как на ниве хлебной,
с ветром, поднимавшим лёгкие одежды!

Как они плясали на пурпурной сцене —
руки влёт раскинув, как орлы, и долу
очи опускали, внутренним гореньем
прикасались к небу, как касались пола...

Пел певец Эллады. Втори́ли гитары.
Слёз струились капли по щекам и шее.
Греческие боги меж рядов витали
в танце легкокрылом, песнею немея...

Окружали горы и вздымалось море
бирюзово-белым гребнем на прибое.
Отрыдали звуки и бузуки, вторя, —
улетали боги мимо нас с тобою...

Вальс. Равель

«Я задумал это произведение как своего рода апофеоз венского вальса, впечатление от кружения которого фантастично и фатально. Я поместил этот вальс в обстановку императорского дворца, приблизительно около 1855 года».

Морис Равель, 1928 г.

Так начинался вальс⁷. В холёной Вене
сгущались облака. Звучат фаготы.
У Габсбургов сумбурно представленье
о будущем династии. А боты,

накидки и плащи, и скрип кареты —
преддверие к несмелым звукам вальса...
И вот он начинается. В просветах —
голубизна. Особо удавался

вальсирующим парам бег по залам,
по анфиладе комнат, до балконов!
Звучала музыка, влюбляла и взывала
всё к новым реверансам и поклонам!

Но что это: затишье перед бурей
иль «танец на вулкане» войн грядущих?
Уже – камлания разъярённых гурий
и обречённость армий, в смерть идущих!

Так не похож на вальс финал и крики
в агонии всплакнувших инструментов!
Поёт обрывки вальса соло скрипки,
утраченного мира монументом...

И – замирает притча венской были,
и притча миру, павшему в руинах, —
теперь лишь вспоминать, как нежно плыли
в том вальсе пары, слившись воедино...

⁷ На всем «Вальсе» лежит зловещий отпечаток призрачности. Кружение вальса в «Вальсе» Равеля оборачивается крушением целой эпохи. И, быть может, здесь существует особый подтекст: не так ли и война стала крушением иллюзий довоенной, проходившей под знаком романтизма, эпохи?

Бартоку

после прослушивания сонаты для двух фортепиано и ударных инструментов Бэлы Бартока

Возьми меня, возьми меня в страну
чистейших рек от горного истока, —
я проплыла по жизни не одну
пучину вод, пришедши издалёка...

Я тоже понимаю речь лесов,
скрывающих в себе разбой и святость!
Я упиваюсь музыкой басов
твоей сонаты, что плывёт на радость

над головами слушающих жизнь,
вцепившихся в сиденья от волнений...
В штормах гармоний ветренных – держись,
мой бунтовщик, мой музыкальный гений!

Приговори меня к ударам в гонг,
спаси меня в бурлящих фуг потоках,
духовной власти музыкальный бог,
верховный жрец и плачущее око...

Тебе – хранить пассаж душевных мук,
мне – уходить с душой потрясённой!
Кружит под потолком последний звук,
незримым ветром кверху унесённый...

Играют Стравинского

после прослушивания октета для духовых инструментов Игоря Стравинского (1882–1971)

То русской попевкой, то вальсом, то скачкой,
то сальто Петрушки (трамбон и фагот) —
играют Стравинского... Начат враскачку,
октет, галопируя, залом идёт!

То вскрикнет кларнетом, то флейтою взвизгнет,
то яркой трубою закончит кульбит, —
живою водою остывшее сбрызнет,
атакой стоккатною зал окропит.

Как «кушать» её, эту музыку улиц,
с парижских балетов пришедшую к нам?
Событий тех лет дуновенья вернулись,
и Дягилев пальцем ведёт по усам...

Я где-то не в теме, я что-то не знаю,
я как-то бы меди умерила власть...
Играют Стравинского. Зал замирает.
И только на сцене – фактура и страсть!

Вивальди в Яффо

*после скрипичного концерта Вивальди в стенах Армянской церкви
в Яффо*

Я задыхаюсь! Музыка Вивальди
проникла в стены храма. Скрипачами
взлелеянные звуки – служат морю,
что за окошками колышется лениво...
Я пробиралась к вам, гармоний ради,
обычным жарким днём. А на причале
стояли рыбаки. И, ветру вторя,
колокола звонили в церкви у обрыва.

Нас собрала здесь доля иль случайность, —
две сотни обезличенных и сирых,
в сравненьи с музыкой, в такую мощь и святость
нас вовлекающей, что арки заструились
и задрожали! Нераскрытость тайны
Антонио Вивальди. Блеск и сила
старинных скрипок. И шероховатость
плит под ногами – воедино слились.

Служенью музыке, как Яффо – морю служит,
век обучались музыканты в чёрном.
Помеченные грифом, станом нотным,
они уходят с зачехлёнными смычками,
оставив тень Вивальди... Долго кружит
его концерт, в часовню заточённый...
Наружу – к морю! Тель-авивский потный
субботний вечер разливается над нами!

И если ты владеешь нотным станом...

*после прослушивания Квартета № 3 для струнных Виктора
Ульмана, задушенного газами в Освенциме в октябре 1944 года*

И если ты владеешь нотным станом,
как станом девушки, прильнувшей в страсти нежной,
ты пишешь музыку и в «гетто образцовом»,
и место написанья – Терезин...
До «окончательных решений», город странный
раскинул улицы бараков тьмы кромешной.
Там, неопределённостью окован,
писал квартет «мишигене»⁸ один.

Какая, к чёрту, неопределённость?
Задушен газами в Освенциме с семьёю.
Задушен вместе с песней и квартетом,
и оперой, написанной в стенах, —
не «плача на берегах рек вавилонских»,
писал, творил натруженной рукою...
Гуманным антропологом, эстетом, —
он музыкой судьбы ввергает в прах!

Мелодия его кричит и плачет,
потом тебя баюкает в бараках...
И теме ностальгической и нежной
противопоставляет гром сапог.
...Сегодня ночью, вновь огнём охвачен,
взывает Юг о помощи от мрака,
детей прижав к груди, бомбоубежищ
опять наполнив чрево... Вэйз мир⁹, бог!

Виктор Ульман (1898, Тешен – 1944, Освенцим) – австрийский и чешский композитор еврейского происхождения. Родился в еврейской семье кадрового военного. В 1909 году семья переехала в Вену. Изучал право в Венском университете, брал уроки музыки у Йозефа Польшауэра, сблизился с шёнберговским кругом. В 1919 году переехал в Прагу и по рекомендации Шёнберга поступил под начало композитора Александра Цемлинского в Новый немецкий театр, где прослужил в должности капельмейстера с 1922 до 1927 год, затем на непродолжительное время возглавил оперный театр в городе Усти-над-Лабем, но быстро вышел в отставку из-за чрезмерной для небольшого городка радикальности репертуара. В 1929–1931 годах был дирижёром в Цюрихе, увлекся антропософией, открыл антропософскую книжную лавку «Новалис» в Штутгарте, в 1931 году вступил в антропософское общество Чехословакии. В 1933 году магазин разорился, Ульман с семьёй вернулся в Прагу. 8 сентября 1942 года вместе с женой и сыном Ульман был депортирован в лагерь Терезин, где в течение двух лет сочинял и

⁸ «мишигене» – сумасшедший (евр. разг.)

⁹ Вэйз мир! – бог мой! (евр.)

выступал с концертами в музыкальном театре. 16 октября 1944 года его вместе с женой перевезли в Освенцим, где через два дня умертвили в газовой камере.

Прага Марины Цветаевой

Прага Марины

Сюда вели дороги. И стремилась
сюда, к супругу, тёплая душа!
Вот в этом доме вновь соединились
и Прагою гуляли, не спеша...

Вот здесь учился. Здесь она стирала
и куховарила холёною рукой.
Страна благоволила к ним. Давала
какие-то гроши на их постой...

Ноплыли рифмы! Ими захлебнувшись,
она писала ночи напролёт!
(Под тяжестью Горы, бледна, согнувшись,
вот здесь, по этим улицам бредёт...).

Под тяжестью Конца она писала
угрюмых строк о мести и судьбе
волшебные созвучья... и читала
их, преимущественно, ночью... и – себе...

Вот здесь она заказывала чаю
и мучилась ершистою строкой,
здесь – кладбищем бродила и в отчаяньи
глядела в воду Влтавы колдовской...

Что мне осталось? Горьких фраз прочтенье,
да строк поэм печальных острый нож,
да засвидетельствовать тихое почтенье
фигуре Брунцвика, что на неё похож...

Марина и Сергей

Ему не позавидуешь – Марина
женою неудобною была,
а тут ещё – невзгоды, и чужбина,
нет денег – эмигрантские дела...

Она стремилась и старалась очень,
чтоб обеспечить хоть какой-то быт!
Но то платёж за булочки просрочен,
а то – суповник праздничный разбит.

Мешали рифмы. Дочка тянет юбку,
и сын кричит, хоть звать былинно – Гор.
В белогвардейских судьб мясорубку
вовлёл их исторический позор!

Сергей учился в Университете, —
учёба и семья, стипендий – пшик...
Под Прагой, в доме, ждут Марина, дети.
И он в ответе за семью, – мужик!

Бывало всякое – огромным сердцем нежным
влюблялась, гениальная любить!
Хотела развестись. Но к узам прежним
вновь возвращалась, чтобы рядом быть!

Марина и Сергей. Судьбой вошедши
в историю литературных пар,
здесь проживали бурный, сумасшедший,
талантливых сердец шальной пожар!

Деревни Марины

Обнимаю то самое дерево,
что любила Марина... Избушкою,
где Марина жила, куховарила,
умиляюсь, хоть ветха изба...

И стою перед входом потерянно, —
не рублём золотым, а полушкою, —
перед той, что светила, как зарево,
многоликой любви раба!

Во Вшеноры въезжаю на станцию
(только стены расписаны граффити) —
всё как прежде: и столб «пастернаковский»,
где молила небесной любви...

В этой чешской глуши – иностранцами,
чуть значимей, чем нищий на паперти,
ею писаны, в горе и напасти,
строки, – «русский олимп» обрели!

Вот стоишь у окна, отрешённая,
после долгой прогулки покосами.
Дом в низине, а церковь – охровыми
камельками, в описанный вид...

Затянувшись врачом запрещёнными
и губительными папиросами,
ты восходишь созвучьями новыми
в мир поэзии русских элит!

Как жаль любви...

В завершение кружения по «цветаевским» местам Пётр Вайль, российский и американский журналист, писатель, радиоведущий, рекомендует лучший в Збраслове ресторан «Skoda lasky» – «Жалко любви», по названию всемирно известной польки композитора Яромира Вейводы, родившемся и жившем в этом доме:

«Жалко любви, которую я тебе дала.
Так бы всё плакала и плакала.
Моя молодость унеслась, как сон.
От всего, что было, в сердце моем только память».
(«Skoda lasky»)

Здесь памяти Марины – «Skoda lasky».
Как жаль любви в разгар её цветенья! —
сердечного героя откровений
в деревне Йиловиште не забыть...
На вилле у Чиркова, как из сказки,
возник в дверном проёме... Боже правый!
Как сердца стук унять? На берег Влтавы
бежать с любимым – до зари бродить!

Как жаль любви! Сын Гор, иль Мур – Георгий
(хотелось бы – Борисом...). Ариадна —
ладошкой тёплой по плечам отратно
доверчиво и нежно проведёт...
Вчера встречались у прибрежной горки
(так зябло, если шалью не укрыться).
В груди трепещет сердце тайной птицей!
Когда ещё мой князь ко мне придёт?

Любить – не предавать! Любовь – как святость.
Глаза сверкают жаждой откровений...
В любовь – как в бездну! (Рифму под сомненье
поставить может и поэт, и бог.)
Позволена ль свиданий тайных радость
той, чью судьбу за юбку держат дети?
Любила, как последний раз на свете!
Как жаль любви, ушедшей за порог...

Марина попала в Прагу в 1922 году. Здесь ее ждал муж С. Эфрон, который на тот момент учился в Карловом университете. Они поселились на окраине Праги. М. Цветаева очень любила гулять по улочкам Праги, она часами могла наблюдать за рекой Влтавой и ее прекрасными островами. А Петр-шин холм на берегу реки стал даже героем ее «Поэмы Горы». Во времена язычества это было место поклонения богу Перуну. Именно здесь княгиня Либуше предсказала рождение Праги. Дорога по старым улочкам Малого града к Карловому мосту – и есть та самая дорога героев «Поэмы Конца». Поэтесса любила бывать на Древнем Малостранском кладбище. Недалеко от Староместской площади находилось здание, где располагалась

редакция газеты «Воля России». Это одно из самых популярных эмигрантских изданий того времени. Главным редактором был Марк Слоним, друг Марины Цветаевой, благодаря которому тогда были напечатаны некоторые ее произведения. По пути из редакции поэтесса часто заходила в кафе «Славия». Замечательный панорамный вид и непринужденная атмосфера привлекали сюда творческую интеллигенцию и литераторов.

В Праге были написаны поэтический диптих М. Цветаевой: «Поэма Горы» (февраль 1924 г.) и «Поэма Конца» (июнь 1924 г.). Эти произведения стали отражением чувств поэтессы к Константину Родзевичу, описанием великой любви и крушения неудавшегося романа.

Однажды Цветаева гуляла по столичным улочкам и увидела статую Брунцвика. Она нашла в его облике сходство с собственной внешностью. Так Цветаева и называла потом каменного рыцаря Брунцвика: «...друг в Праге... похожий на меня лицом».

Памятник Моцарту в Вене

Моцарт в Императорском саду.
Стройный, грациозный, неуёмный!
К саду, с преклонением огромным,
к Вам с букетом красных роз иду!¹⁰

В юности с влюблённой ноты к Вам
начинался день, событий полный.
«Реквиема» траурного волны
правду жизни открывали нам.

Помню, увлечения свои
я под «Рондо» Моцарта играла,
про рефрены часто забывала
и лила в подушку слёз ручьи.

«Дон Жуан» был сыгран, и не раз,
сцена – жизнь, а зрители – далече...
Помню ту, особенную. встречу
и огонь восточных чёрных глаз!

Я тогда по-Моцарту жила, —
без раздумий, весело и бойко!
А потом, как тот солдатик стойкий,
незаметно к зрелости пришла.

Вам, Маэстро, не пришлось взрослеть:
Вы, как прежде, – ангел-Керубино...
Соберу печали воедино
и пообещаю не стареть!

Близимся к финалу, на беду.
Хоть ещё играем «Интермеццо»...
Вами очарованное сердце
к постаменту розою кладу.

¹⁰ В бывшем Императорском саду (Бурггартене) в 1896 году был установлен памятник Моцарту в Вене. Жизнь гениального композитора Вольфганга Амадея Моцарта вряд ли назовешь простой, такой оказалась и судьба его памятника. Слишком долго длился процесс выбора места, утверждения проекта и необходимых средств – целых 77 лет. Но в результате мы видим сложный памятник в стиле барокко из белого мрамора. Сам Моцарт изображён небрежно опирающимся на партитуру, а вокруг него витой виноград и милovidные ангелочки. На пьедестале изображены сцены из опер и семья композитора.

Пауль Клее «Nulla dies sine linea» («Ни дня без линии!») Плиний

Я знала, чувствовала – Пауль где-то рядом! —
полурёбенок, полубожество...
Была любовь – спонтанно, с полувзгляда,
с полукасанья к сущности его!

Я понимаю, что сказать хотели
скупые линии на мешковине грёз,
как виртуальный мускул в слабом теле
мечту гиганта на полотна нёс!

Как превращалась точка над пространством
беспомощности – в яркую звезду!
«Ни дня без линии!» – с завидным постоянством
я повторяю аксиому ту,

я утверждаюсь бравым восхождением
с клюкой на каждодневный Эверест, —
не ограничен трудностью движенья
хмельной адреналин моих небес!

«Ни дня без строчки!» – Пауль где-то рядом —
передаёт тепло своей руки...
Из-за оков судьбы – обоим надо
к строке и к линии пробиться! Вопреки.

Пауль Клее (1879–1940), родившийся в Берне в семье музыкантов, некоторое время колебался, что предпочесть – путь музыканта или художника. Выбор остался за живописью. Клее переехал учиться в Мюнхен. Встреча с В.Кандинским и Ф. Марком имела для него решающее значение, о чем свидетельствует участие во второй выставке «Синего всадника». С 1920

года началась его преподавательская деятельность в Баухаузе. После прихода к власти Гитлера в 1933 году Клее не испытывал иллюзий относительно будущего Германии. Немцы объявили его «безумным евреем», после чего Клее с семьей уехал в Швейцарию. Вскоре после переезда в Берн Клее тяжело заболел. Он стал терять подвижность в руках, но при этом работал с поразительной, даже для здорового человека, активностью.

Открытие в июне 2005 года в Берне Центра Пауля Клее стало одним из важных событий в музейной жизни XXI века. Впервые наследие одного из крупнейших мастеров XX века представлено в таких впечатляющих масштабах. Основу собрания составили произведения из Фонда Пауля Клее, мемориальные вещи, документы из личного архива художника, работы из ряда частных коллекций. Пауль Клее, прославившийся как живописец, был талантливым писателем, музыкантом, философом. Выставка рассказывала о болезни Клее (склеродермии) и представляла интерес не только с творческой, но и с медицинской точки зрения. Здесь можно представить всю сложность существования человека, лишённого возможности активно жить.

Среди экспонатов – столы с приборами и устройствами, позволяющие посетителю самому испытать ощущения больного, но духовно активного человека.

Под одним из своих рисунков 1938 года Клее сделал такую запись: «Nulla dies sine linea». Цитата из Плиния, описавшего античного художника Апеллеса, который ежедневно упражнялся в своем искусстве. Больной мастер в конце жизни неуклонно следовал этому правилу. Выставка «Пауль Клее. Ни дня без линии» стала следующей после ретроспективной, и на ней уже были представлены последние работы 1938–1939 годов. В проявлении любви к своему национальному гению жители Берна не ограничиваются стенами музея, что получило развитие и в окружающем пейзаже. Выйдя из музея, можно прогуляться по парку скульптуры, отдохнуть в тени берез, созерцая спокойную гладь озер и величественное молчание древних валунов, посетить кладбище, где покоится прах художника. От музея в город через парк ведут так называемые «дороги Клее», включающие в себя мемориальные остановки, посвященные местам, где часто бывал мастер.

Я, как он, – напишу про окружность...

*После спектакля, где Михаил Барышников читал и «танцевал» 50 стихотворений своего друга Иосифа Бродского
22-го января 2016-го года в городе Тель-Авив – Яффо.*

Он стихи танцевал, как танцуют последнее танго, —
после ночи навзрыд, когда счёты с земным сведены...
Стая книжных страниц, высотой заоблачной планки,
танцевала, да так, что исподние были видны!

Белый стул танцевал, испомаженный кремом для тела,
и являл сухожилия кентавра, где было дано...
И открытого рта фуэте прямо в космос летело! —
по-немому, безгласно, как мим в чёрно-белом кино.

Замыканья щитка, как нейроны у публики в зале,
порождали разряд (и как следствие – взрыв и испуг!).
Провода оголённые боль и тоску танцевали,
что в запасе у гения были, как ром и мундштук.

Тренированным телом и мускулом выпуклым каждым
танцевал Тель-Авив на стихи о простуженных днях,
о простом одиночестве в небо идущих отважных,
кто стихи танцевал, кто парил на крылатых конях.

И остатки заплаканной обескураженной воли
на ступеньках, на выходе, вместе в пучок соберу, —
танцевали стихи моей собственной прожитой доли...
Я, как он, – напишу про окружность – и тихо умру.

Читаю Бродского...

Я Бродского читаю. День во мне
перемешался с ночью. Руки стынут...
И с жадностью вселенскою придвинут
чай обжигающий к губам. Как на огне,

как на поленьях адовых, душа,
читая строки, ёжится и стонет,
а взгляд – каким-то зреньем посторонним
с листа вбирает буквы, не спеша.

Чем так пленит и ранит монолог,
такой огромный и такой негромкий?
Я слышу, как струится голос ломкий,
и – мозг взрывает непевучий слог!

Читаю Бродского. Весь день, всю ночь, всю жизнь,
читаю, упиваясь словом каждым...
Войдя строкою в жизнь мою однажды,
до выхода в финале – удержишь!

Не мантрой, не молитвой, а судьбой,
на вымученных родственных дорогах,
да поцелуем в темечко от бога
мечтаю оцерквлённой быть тобой...

Благославляю мысленно твой след,
и мессианским именем болею...
Читаю Бродского. Вот всё, что я имею
сквозь призму стран и строчек, зим и лет.

Гарвард

Я к нему прикоснулась на счастье! К ботинку
Джона Гарварда! То есть, не Джона¹¹... Короче —
я ходила по парку тому, где картинки
воскрешали историю как бы воочью!

Вот прошли президенты Америки – восемь! —
что учились здесь храбрости, мысли и делу...
Здесь на лавочках в парках, в бостонскую осень,
претенденты всех будущих премий сидели!

Цвет науки, политики и Мельпомены¹²,
основатели всех основных направлений:
в экономике, в жизни – врачи, бизнесмены,
основатели физики новых течений!

Как в глубокой нирванне, стою в твоём парке,
только крови толчки на висках ощущая...
Мне б хотелось удрать, притаиться за аркой,
чтобы здесь обучаться, мечту воплощая!

Я коснулась ботинка – на страх и удачу...
И задумала быть бесконечно счастливой!
Если вдруг упаду, заболею, заплачу —
вспомню блеск его медный и гарвардский ливень!

Вспомню лик твоих замков и лестниц ступени,
вспомню колокол старый и мост над рекою...
Утоли мне печали, мой Гарвард бесценный,
и запомни меня – ненасытной такую!

¹¹ Гарвардский университет – один из самых известных университетов США и всего мира, находится в городе Кембридж, штат Массачусетс. Гарвард – старейший из университетов США, был основан 8 сентября 1636 года. Назван в честь английского миссионера и благодетеля Джона Гарварда. В парке Harvard Yard находится статуя сидящего Джона Гарварда – основателя университета. В действительности, сидящий мужчина – не Джон Гарвард, а студент университета Герман Шор, который был выбран случайным образом и стал моделью для скульптора. По существующему поверью, прикоснувшись к медному ботинку создателя этого учебного заведения, ты заставляешь судьбу посмотреть на тебя благосклонно... От бесчисленных прикосновений ботинок блестит и сверкает на солнце...

¹² Мельпомена – в древнегреческой мифологии муза трагедии. Дочь Зевса и Мнемосины, мать сирен.

В Манхэттене, на знаменитой Пятой Авеню...

В Манхэттене, на знаменитой Пятой Авеню¹³,
простым кружком мозаичным на парковой аллее —
о выстреле, о Ленноне, что к дому повернул...
деревья в парке о случившемся жалеют...¹⁴

В Манхэттене, по именитым паркам и садам, —
по выросшим из мусора, за грош приобретённым,¹⁵ —
процокали копытцами лошадки тут и там,
а в фаэтонах замерли влюблённые...

Там, на балетно-оперной, на Пятой Авеню,
что мировой элитой гремела и блистала,
в почтеньи робко-трепетном колени преклоню
перед огромными полотнами Шагала!¹⁶

И на конфетно-праздничной, с изысканной толпой,
на Пятой Авеню стою, заморожённая, —
на небоскрёбно-оффисной, гламурной, занятой, —
богатством и радушием сражённая!

¹³ Пятая авеню – улица в центре Манхэттена в Нью-Йорке. Является одной из самых известных и самых дорогих улиц в мире – на ней находится множество дорогих эксклюзивных бутиков. Многие достопримечательности и символы Нью-Йорка расположены вдоль Пятой авеню. Отрезок Пятой авеню с 82-й по 105-ю улицу получил название Музейная миля благодаря большому количеству музеев на этом участке. В частности, здесь находятся Метрополитен-музей.

¹⁴ Поклонники Джона Леннона чтят его память, посещая мемориал «Земляничные поля» в Центральном парке. Там они играют его музыку и возлагают цветы на мозаику, в центре которой выложено название песни «Imagine». Мозаика выложена в месте предполагаемого убийства Леннона, на парковой аллее, рядом с его домом...

¹⁵ Центральный парк в Нью-Йорке является одним из крупнейших и известнейших парков в мире. Несмотря на то, что парк выглядит очень натурально, практически все ландшафты созданы вручную на землях, выкупленных когда-то за символическую цену на месте городских свалок.

¹⁶ Линкольн Центр-3 сценических площадки: Метрополитен Опера, Эвери Фишер Холл и Нью-йоркский Балет собраны в одном месте. Рядом находится известная Джульядская Музыкальная Академия. На фасаде Метрополитен Оперы можно видеть огромные витражи, выполненные Марком Шагалом.

Метрополитен. Балет Золушка

Эта Золушка звалась американскою
Синдереллой¹⁷ в зале «Метрополитен»¹⁸.
И Прокофьева чарующею сказкою
ритм балета бал творил диковинный!

Танцевала Золушка – а в бархате
утопали ложи привередливые!
Тихо плакала дурнушка в тёмном закуте
от затрецин и щелчков сестричек вьедливых...

И мечтала, недотёпа, о роскошествах,
и вздыхала о любви – до неприличия!
И – о, чудо! – объявил царевич новшество:
мерить туфли всем невестам, без различия!

Эти туфельки хрустальными пуантами
стали впору балерине-синдереллушке!
Украшались платья свадебными бантами,
целовал жених уста своей невестушки...

И сидела я, отведавшая горюшка,
в этом бархате и люстр мерцаньи плазменном...
Я – в Америке! Из бывшей бедной Золушки
превратившаяся в даму буржуазную!

На перстах моих – сиянье бриллиантово,
на щеках моих – следы от слёз пролившихся...
Танцевала балерина не пуантами,
а судьбой моей, воочию свершившейся!

¹⁷ «Синдерелла» («Золушка») – балет С. Прокофьева в новой версии – рассказ о реальной девушке, у которой всё получилось...

¹⁸ «Метрополитен» – ведущий оперный театр в США (Нью-Йорк). В зале театра 3625 мест. Сезон с сентября по апрель. С 1966 театр функционирует в новом здании Линкольн-центра. Интерьер театра украшают фрески Марка Шагала.

Лос-Анжелес, Лос-Анжелес

Лос-Анжелес, Лос-Анжелес! Столица обездоленных,
столица одарённых и отравленных мечтой,
столица привороженных и в темечко целованных,
прибывших завоёвывать свой кубок золотой!

Разряженные «фрики» на Аллее Звёзд и подступах
примеривают оттиски ладоней на полу...
Разреженные блики на выдавших виды «Оскарах»
вступают в ежегодную медийную игру.

И тот, кто уповаает на каприз судьбы изменчивой,
и тот, кто попадает на Олимп шикарных вилл,
и трансвестит, решающий мужчиной быть или женщиной,
—
шикарный бренд скупают что на Бэверли на Хиллз.

И, раскрутив без удержу судьбы рулетку наглую,
Лос-Анжелес, неможется, недюжится тебе! —
на площади центральной, натянув кастрюли на голову,
играют рок бездомые безадресной толпе.

А бризы океанские срывают смог над городом!
На набережной в барах восседает важный люд...
И зажигают сумерки в горах неонем гордым
Призыв, мечту, призванье, девять литер – Hollywood!

Читая Константина Кикоина

«Я на этом вокзале
чувствую себя в своей тарелке,
кассир мне величественно кивает и выписывает билет
без ограничения срока давности».

«Путешествие назад», Константин Кикоин
какая-то новая тяга
завершать всё то что было когда-то давно начато

писать о юности сагу
при этом стараясь ни слова не переименовывать

держат диалоги в абзацах
как держат воду живую в драгоценных флягах

при этом очень стараться
не истратить мысль расплескавшуюся на бумагах

не терять в скитаниях своих
долей подаренных по задворкам и по столицам

найденный в памяти белый стих
что под кожей струится на дальних твоих страницах

белый-белый как первый снег
что падал когда-то под новый прожитый год

в той далёкой стране где смех
живёт мой счастливый и руки раскинул влёт

Кантилена

«Дорогой Леонардо, все было гораздо серьезнее, а именно; я находился в одной из стадий исчезновения. Видите ли, человек не может исчезнуть моментально и полностью, прежде он превращается в нечто отличное от себя по форме и по сути – например, в вальс, в отдаленный, звучащий чуть слышно вечерний вальс, то есть исчезает частично, а уж потом исчезает полностью».

(Саши Соколов «Школа для дураков»)

Мы тленны и дискретны – в гуще дней мы проживаем
сердца перестуки и переходим в воздух, в землю, в звуки...
Чем дольше дышится, тем переход видней!

И вот уже привидилось: травой лианы-руки вниз стекают
с тела (в окно дорожкой лунною влетела бессонница —
ночной мучитель мой...).

Врастаю в жизнь всё глубже – на виду скорее пни, чем
молодые ветви, и в звуков трансформацию заметней мой
переход, как-будто бы в бреду...

Я кантиленно в трель перехожу, своей судьбы, своих
стихов заложник, – и женственным началам и, возможно,
ещё своим земным богам служу...

Но волны нарастают: горна звук и скрипок буря, и
волторны милость! И вот уже почти что растворилась вся
жизнь – в стихи, что брошены на круг...

О бабочках Саши Соколова. Рондо

«Врачи, – смеялся Норвегов, – запретили мне подходить к ветряным мельницам ближе, чем на километр, но запретный плод сладок: меня ужасно к ним тянет, они совсем рядом с моим домом, на польных холмах, и когда-нибудь я не выдержу. Не поддаваться унынию, – задорно кричал он, размахивая руками, – не так ли, жить на полной велосипедной скорости, загорать и купаться, ловить бабочек и стрекоз, самых разноцветных, особенно тех великолепных траурниц и желтушек, каких так много у меня на даче!»
(Саши Соколов «Школа для дураков»)

Прочла о бабочках. На руль велосипеда
ложится смело загорелая рука —
к днепровским заводям до позднего обеда,
в камыш с кувшинками на лодке рыбака!

Читаю бабочек, как жизни иероглиф
читает вдумчивый серьёзный ученик,
и вижу будущие горные дороги,
в траве нездешней праздничный пикник...

В рисунок крыльев, в эти звуки из оврага
(кричит и плачет кто-то, стонет сквозь туман...)
съезжаю в жизнь, минуя ямы и коряги,
готовый к лёту, сорванец и хулиган!

Я верю в бабочку, как в каждодневный подвиг,
взлетать и жить, прогнозам мрачным вопреки!
И антиквариатом с лотов Сотби
сидят на лавках, отлетавшись, старики...

Как можно позже – приземлиться в лавку!
Ещё мне по плечу свободный лёт.
Велосипед – для тех, кто хром на лапки,
для тех, кто смог, – одномоторный самолёт.

Прочла о бабочках у Саши Соколова.
Рисунок крыльев обнимает, словно спрут!
В который раз за поворотом новым
смертельным трюком дни мои бегут...

Был голос тал... Кантата

«...был голос, явившийся нам воплощением чистоты, силы и смертельной торжественной горечи. Мы услышали его во всей неискаженной ясности его: был подобен парению раненой птицы, был снежного сверкающего цвета, пел голос бел, бел голос был, плыл голос, голос плыл и таял, был голос тал. Он пробивался сквозь все, все презирая, он возрастал и падал, дабы возрасти. Был голос гол, упрям и наполнен пульсирующей громкой кровью поющей девушки».
(Саша Соколов «Школа для дураков»)

Пел голос – белый, чистый, неистраченный,
когда счета несмелы, неоплачены,

вставал на цыпочки, робея взрослой тайною,
аккумулируя влюблённости случайные...

Пел, модулируя непрожитыми датами,
когда Голгофою встают мечты распятые,

и непрерывный пот стекает в ночь усталую...
Пел голос, пел, журча в ручьях водою талою!

И силой мышц, как силой мысли пламенной,
катал по небу звуки плазмой расплавленной!

В верхах витал и опускался в стынь глубокую,
пел голос тал в свою весну далёкую...
На акведуки Леты чистые, без усталы,
мой голос шёл однажды, жизнь предчувствуя!

Я уеду в Назарет на заре...

Я уеду в Назарет за руном,
за строкою с переливами арф,
положу в котомку флягу с вином,
повяжу на шею праздничный шарф...

Будет греть меня зимой кашемир,
будут рифмы от друзей согревать,
будут жечь мне душу лира и мирт,
буду сладостно по дому скучать...

В каждом путнике живёт аргонавт —
за овчинкой золотою в стихах.
И за пишушую братию рад
царь Давид, что держит арфу в руках!

Я уеду в Назарет за холмом,
за стихами о любви и судьбе.
Будешь воздухом моим и плечом,
буду нежно прижиматься к тебе...

Я уеду в Назарет на заре...

Не хлебом единым...

В Яффском порту есть театр слепо-глухо-немых. «Прикоснись!» – это его название. На сцене – слепоглухо-немые актёры пекут хлеб, рассказывая о своей судьбе...

После спектакля «Не хлебом единым».

«Не хлебом единым»... Чувствительность пальцев
диоптрией мерить... Замешивать тесто
пред залом на сцене, в кругу постояльцев,
где каждый имел неизменное место,

где ни миллиметра ни вправо, ни влево,
а твой монолог – переводят руками...

А тесто месилось и сытно белело
на сцене, расцвеченной прожекторами!

Несвязная речь объяснялась экраном.
Веселие лиц объяснялось искусством.
И корочкой хлеб покрывался румяной,
и выпечкой пахло, – домашней и вкусной!

И каждый актёр разговаривал с залом
лицом и руками... В каком-то бреду
потерянно публика в зале молчала...
заплакал ребёнок в четвёртом ряду...

Зависеть от прихоти ветра, рукою
внимать настроение поводыря, —
боюсь, что в сравненьи с такою судьбою,
ничтожной покажется горечь твоя!

А хлеб выпекался! И вкус его прочно
вязался с виденьем прижмуренных век...
Я съела горбушку, – но знаю я точно! —
не хлебом единым живёт человек!

В виноградниках

Каждый год около 3000 женщин собираются на танахический праздник любви и вина в виноградниках, что раскинулись в историческом месте – крепости Шила...

Говорило тело языком танаха,
простирались руки за советом к богу,
одевалось тело в белое с размахом —
расплескалась кипень по края дороги...

Говорило женским голосом и ликом
место, сохранившее перепев историй, —
расстилалась дали, разгулялись блики,
каменные глыбы гулко звукам вторят...

Освещало тайной вдохновенной лица
зрелости премудрой, юности невинной —
там, где виноградный сок в кувшин струится,
там, где время вяжет, сотворяя вина...

Танцевали страстно древних чар искусством —
раздувались юбки, развевались шали.
По дороге горной разъезжались густо —
по домам певуний половинки ждали!

Эмоций чувственным наркозом...

Эмоцией, как донор – кровью,
делюсь с читателем. Рассветом,
в молочной дымке на восходе,
готовлюсь к «рифмовой» борьбе.
Я – лишь рецептор, и не боле,
от нерва слуха, я – поэтом,
как спутник в разовом полёте,
служу по жизни и судьбе.
Эмоции, как ворон – крови,
пылающее сердце жаждет!
И в ход идут любовь и радость,
и впечатлений жарких рой...
Сердечных ритмов тайных сбои
переживает в жизни каждый,
но лишь поэту – в строки надо
переиначить сердца бой!

Эмоций чувственным наркозом
наполнен день, как море – солью...
(Заложником капризной рифмы
я рождена была на свет!)
Не захлебнуться б в «передозе»
эмоцией, как воин – кровью!
Не подменить бы правду – мифом,
как часто делает поэт...

Скрипка разговаривала с Богом...

*Вариации на тему скрипичного концерта Иосифа Ахарона
(1886–1943)*

Скрипка разговаривала с Богом.
Жаловалась: – Жизнь подорожала,
холодно в лапсердачке убогом,
да жена б не каждый год рожала...

– Я готов делиться коркой хлеба
с каждым из соседей, – в счастье, в горе —
чтоб жидовским не звались отребьем
детки в каждой драке, в каждой ссоре.

– Чтобы околоточный не зыркал,
да не пялил глаз на дочку Браху...
Крышу подлатал весною лыком,
звал соседа, шил ему рубаху.

– Господи! Ведь мы ж блюдем Субботу,
заповеди все, что на скрижалях!
Руки вот распухли от работы,
пальцы еле шило удержали...

– Быть евреем, Господи, не просто
даже в мире сытых и богатых!
Говорили, перехрестов вдосталь
стало среди нас, жидков пейсатых.

– Господи! А как бы пригодилась
кроха счастья нам и деткам – тоже!..
Плакала струна, слеза катилась,
пела скрипка высоко, до дрожи...

Я куплю твою подпись, поцелованный богом!

Сегодня в новостях передали, что всенародно любимый израильский художник Менаше Кадишман продаёт свою подпись за деньги в порту Тель-Авива, чтобы рассчитаться с долгами...

* * *

Продавал свою подпись гениальный художник
в Тель-Авивском порту, в подпоясанной тоге,
босиком... Не нашёлся в этом мире сапожник,
чтоб обуть гениальные, вечно бОдые ноги!

В белоснежной рубахе, по ручьям горных речек —
сто пластмассовых смайлов! Как Господь... как в раю...
Под портретами нежных человечьих овечек,
на улыбках и рунах ставил подпись свою!

Что случилось, Художник? Почему свою душу,
крыльев ангельских пару и блаженный кураж —
за сто шекелей пошлых, за деньгу, за полушку! —
совершаешь скандальный городской эпатаж?

Завтра пасмурным утром, тель-авивским дорогам
на везенье отдавшись, прямо к пОрту спущусь —
я куплю твою подпись, поцелованный богом!
Может, даже к ладони прикоснуться решусь...

Перед картиной Марка Шагала

Перед картиной Марка Шагала —
в выси небесные ветер пречистый,
пахнувший розой, ирисом, сандалом,
душу уносит лёгкою кистью...

Перед картиной мэтра иллюзий,
шелковых шлейфов и розовых лилий,
звёздных, исполненных нежности блюзов,
взглядов овечьих и мягких идиллий,

перед картиной таких мирозданий,
где б проживать бесконечно хотелось! —
в дымке кисейной из томных желаний,
где б в поднебесье леталось и пелось!

Перед картиной вечерней порою —
ясный твой взгляд, предназначенный свыше...
Взявшись за руки, взлетим над землёю
с тихой улыбкой... Нас не услышат.

По прочтении стихов Кенжеева...

День задуман был стройным, свободным от стихоплетенья.
Но попалась строка, не вписалась в течение дня,
не вязалась с погодой, мешала вестям и стремленьям,
разлохматила напрочь и вдрызг, деловую, меня!

Начитавшись стихов от пропитанных вечностью истин, —
ядовитей грибов! — от избыточных и мнимых надежд,
ощутила удущье от сонма непошленных мыслей:
скудость планов и слов, тщетность брендов гламурных одежд...

О, как больно и вязко грибница таланта вращалась
в обесцененный день, в плоть, лишённую сути и сил!
Где-то в смутной дали обнажённую правдой блистала
кротость бога, на землю тишайшую длань опустил...

А на Севере град колошматил дома и машины, —
переплюнув в разы опасения метеослужб! —
разбивал, лиходея, зарифмованных строк дисциплину,
и являлись стихи из ошмётков распененных луж!

Музей. Иерусалим

Стеклянный куб, бетонные пролёты, —
аристократ в технократичном теле —
на гор святых вершины для чего-то
архитектуры чуда надели...

Хрустальный отблеск стен угоден богу,
а горный воздух обостряет чувство...
и замирает сердце у порога
хранилища свидетельств и искусства!

А там, внутри, в тени от войн и света,
светится тёплым перламутром кожа
«фламандцев», в алый пурпур разодета
знать – куртизанки и монархи тоже...

Полощется Дега. Скирдой Ван Гога
намечен контур чувств. Мулаткой красной
Гоген дразнит столпов элиты строгой...
и Ренуар с Сезаном не напрасно

в душистом воздухе сирени и камелий
дают намёком абрисы баркаса...
Там, в этих залах, тысячи немели
от дам геометрических Пикассо!

И храм Искусства, вне границ, вне веры,
окутал сердце щедрыми дарами...
А там, снаружи, расхотелись ветры! —
стучали в дверь разрушенного Храма¹⁹...

¹⁹ Иерусалимский Храм являлся центром религиозной жизни еврейского народа между X веком до н. э. и I веком н. э. Храм располагался на Храмовой горе в Иерусалиме. Согласно иудаизму, Храм будет восстановлен в будущем и станет духовным центром для еврейского народа и всего человечества.

Как делали мозаику старинную

Как делали мозаику старинную
в монашьях кельях под Иерусалимом?

От вора, от зверья и от разбоя
хранились камни, что несли с собою.

А привозились камни издалёка,
ценимые, как жизнь, как дух, как око...

В мешках заплечных, ночью африканской —
японский розовый и чёрный итальянский,

афганский синий с русским сердоликом —
скрывали красоту под грубым ликом...

Потом, в тиши пещер, сверкали камни —
их шлифовали грязными руками!

Соединив фрагменты воедино,
вливались камни в общую картину

мозаики монашеской церковной!
Стыдились камни бедной родословной —

что из монашьях собраны котомок...
Замрёт пред вечной красотой потомок,

мозаики богатством очарован!
Здесь в каждом камне чей-то дух закован...

Шуберт

после прослушивания октета Франца Шуберта в фа-мажор²⁰

Октетом Шуберта для струнных в фа-мажоре
обворожиться и забыть, что мир жесток...
У старой Вены столько шарма и задора,
и доброты, и утешенья, видит бог!

У старой Вены столько силы для октета,
что он сюитой вопрошает небеса:
померна ль плата за развитие сюжета —
тифозной смерти безразличная коса...

Я понимаю разговор гобоя с басом —
так духовые о фатальности судьбы
ведут беседу. Дирижёрство, служба, классы,
на ужин – редкая похлёбка и бобы...

О, милый Шуберт, о, «царя лесного» гений,
отец симфоний и слуга небесных муз!
Ты неудобен был. Поэтому гонений
не избежал. Так вышло. Не берусь

тебя судить ни в радости, ни в горе.
Твой взгляд с портрета бесконечен и глубок...
Октетом Шуберта для струнных в фа-мажоре
обворожиться и забыть, что мир жесток.

²⁰ Франц Шуберт (1797–1828) – австрийский композитор. Франц Петер Шуберт, четвертый сын школьного учителя и виолончелиста-любителя Франца Теодора Шуберта, родился в Вене. В начале 1824 г. он работал над октетом фа мажор, однако нужда заставила его вновь стать учителем в семействе Эстерхази...

Россини

после прослушивания сонаты для струнного квартета № 1 соль-мажор Россини²¹ (1804)

Насмешливый пацан. От силы – лет двенадцать.
Блестящий музыкант. И с цыпками рука.
Имеет божий дар и время состояться.
Он – баловень судьбы на годы, на века.

Сонатой нежных струн под солнцем итальянским
он начинает жизнь и слаженный квартет.
И начинает кросс по венским и миланским
подмосткам дней его на много-много лет...

Гурман и хлебосол, он музык отречётся
и будет жить в чести, преемников уча.
Взгляните на портрет – лукавый глаз смеётся,
и струны детских лет в душе его звучат!

Он счёт от прачки мог в вокал переиначить!
Визитной картой стал его сонаты бег.
Мальчишески легко победный путь был начат,
смеётся и бузит весёлый человек!

²¹ Джоаккино Антонио Россини (1792–1868) – выдающийся итальянский композитор, автор 39 опер, духовной и камерной музыки. Его самые известные оперы – это итальянские оперы-буффа – «Севильский цирюльник» и «Золушка» и эпопеи «Моисей в Египте» и «Вильгельм Телль». Склонность к вдохновенным, песенным мелодиям – одна из ведущих черт творчества Россини, благодаря которой его прозвали «итальянским Моцартом». Вероятно, к 1804 году относятся первые композиторские опыты Россини – шесть сонат для квартета. «Божественный маэстро» – так назвал великого итальянского композитора Генрих Гейне, видевший в Россини «солнце Италии, расточающее свои звонкие лучи всему миру». Однажды он сказал: «Дайте мне счет из прачечной, и я положу его на музыку».

Рахманинов. Всенощное бдение Диптих

после прослушивания «Всенощной» Сергея Рахманинова в исполнении Литовской классической капеллы под управлением Андреаса Мустолена (ноябрь 2016, Израиль)

«Глубокая озабоченность и тревога за судьбы родины, сознание бессмысленности жертв, боль и возмущение художника-гуманиста при виде человеческих страданий, приносимых чуждой и противной народным интересам войной, – все это вызывало у Рахманинова настойчивые поиски нравственного идеала, служащего опорой в тяжелых жизненных испытаниях. Этот идеал Рахманинов искал в твердых и постоянных устоях народной морали, которую он стремился воплотить в своей «Всенощной».
(Ю. Келдыш)

Взовьётся древнерусский глас
под своды зала... Колокольный,
звонящий зов, чтоб боже спас,
чтобы простил нас, своевольных!

Чтобы живущим на земле
дал ощущение бессмертья,
безвестный голос в синеве
иерусалимской пел на свете...

И вот уже не стало стен
и обнялись земля и небо, —
великой музыке взамен,
переплетая быль и небыль...

Я в синем омуте души
на дальних хорах пребываю.
И это я пою в тиши,
и предо мной – земля нагая,

чей первородный грех велик,
а войны – нам во искупленье!
Над миром протянул старик
длань бога. И затихло пенье.

* * *

Я пела в юности под арками, я пела!

Я пела музыку, которая летела

от дальних отсветов судьбы, души касаясь, —
такую маленькой сама себе казалась...

Я пела в юности Всеночной силы бденье,
за всю непрожитую жизнь прося прощенье,

за все дороги, что взовьются серпантином,
за все разлуки, что с тревогами едины.

Я пела музыки рахманиновской звуки,
ещё не зная, как повиснут в горе руки,

когда покинут меня близкие-родные,
взвалив на плечи мне все тяготы земные...

Познала горечи измен и расставаний,
и вкус внезапных перемен и расстояний!

Я пела в юности под сводами, не зная,
что заключалась в этих звуках жизнь земная.

Гармоний чувственным узором...

после прослушивания квартета Моцарта № 1 для струнных и фортепиано в соль-минор, написанного по заказу Франца Хоффмайстера с 1785-ом году и названного «музыкой для музыкальных элит»...

Гармоний чистых переливы —
снега на пиках убелённых,
австрийских горных рек мотивы,
перипетии саг и склонов.

Гармоний славных перепевы,
влетевших песней отдалённой, —
тирольцев гордые напевы и
скрипок нежных плач и стоны.

Гармоний моцартовских вдоволь
в фортепианном беге пальцев...
Надет платок негромкий вдовый
на музыкальных душ скитальцев.

Гармонией – вершиной жизни —
болею в соль-минорном свете:
жалею, что в другой отчизне
и жаль, что жил в другом столетии.

Гармоний чувственным узором
с тобою связана навеки!
Как много Бога и простора
в одном небесном человеке...

И ТОЛЬКО МУЗЫКА...

по следам оперы Жоржа Бизе «Искатели жемчуга»

Убить, помиловать, изгнать, простить? – извечную
проблемой мучается совесть. Бесконечную

то кантиленой, то горячей страстью пламенной
стенает музыка вокруг кумиров каменных...

Цейлонским бризом обняла шатры и пагоды —
любовь внезапная пришла, упала на воду,

как лодка-джонка, как жемчужин белых россыпи,
плутовка к смерти их вела медовой поступью...

И только случай – серебром и клятвой верною
кулоном памятным открыл им дверь тюремную.

И только дружба, что касалась сердца хмурого,
спускала лодки беглецов на воды бурые.

И только арией последней, в пламень брошенной,
кончалась опера и храм любви непрошенной.

И на ресницах дорогих, в слезах и в горести,
качалась музыка последних тактов повести...

Макбет

Израильская Опера участвует в мировом фестивале ShakespeareLives, приуроченном к 400-летию со дня смерти Шекспира. В Тель-Авиве показана постановка оперы Джузеппе Верди «Макбет» – первой «шекспировской» оперы этого композитора, ставшей одной из известнейших и популярнейших опер в мире, в режиссуре Жана-Клода Оври. Дирижирует оперой Эммануэль Джоэль-Хорнак.

Писать стихи о музыке в ночи,
о Макбете, в плену преступной власти,
когда дневное спит или молчит, —
не это ли доподлинное счастье?

Когда мой мир так чуток, и тревог
дневных ко мне не долетают вздохи,
я приглашаю музу на порог
моей судьбы, где дни не так уж плохи,

а ночи – полыханием строки
меня ведут и к Верди, и к Шекспиру...
И леди Макбет с царственной руки
свою гипотезу любви бросает миру!

И, предсказаньем ведьм поражена,
во власти разрушающих амбиций,
вручает пресловутая жена
супругу нож, чтобы крови пролиться!

О, как любовь безумна и слепа,
как тяготеет сходом в преисподню!
Свергает верноподданных толпа
иных царей «навек» – уже сегодня...

Я – с Верди, я – с Шекспиром, и кричит
во мне мелодия конца финальной части!
Писать стихи о музыке в ночи,
о Макбете, в плену преступной власти...

Ромео и Джульетта

по мотивам одноимённой оперы Шарля Гуно

Был прожит день и ночь одна
от гибели детей влюблённых...
Давно повисла тишина
над закулисем и фойе,
но Аурелии²² слышна
молитва к небесам бездонным,
что даже в смерти не вольна
судьба их разлучить! В жнивье
под утренним туманом всласть
щебечет жаворонок вольный.
Отравленной любви печаль
уносит в небо глубь веков...
А я переживаю страсть
двух юных душ. И сердцу больно
прекрасной музыкой венчать
любовь и смерть. И облаков,

несущихся сквозь Тель-Авив,
(трёхмерных площадей просторы
так кстати – воздух ртом глотать!),
и жгучих слов – недостаёт,
чтоб рассказать, как был любим
в далёкой юности... Не стоит
пить яд, чтоб вместе умереть,
когда любимый предаёт!

²² Аурелия Флориан – исполнительница роли Джульетты в тель-авивской постановке оперы Шарля Гуно «Ромео и Джульетта», апрель 2016 года.

Опера молодая (цикл стихотворений)

Спасибо за музыку

о фестивале оперной музыки, проводимом израильским композитором и дирижёром Давидом Зана, и о встрече с молодыми солистами израильской оперы.

Спасибо за музыку! Их голосами
заполнен мой день, моя суть, моя жизнь!
Тремоло сопрано, в обнимку с басами,
на точке экстаза во мне задержись!

Какой молодою и вешнею силой
здесь опера дышит и мюзиклов плен!
(Однажды я пела, однажды любила
и верхними «ми» завершала рефрен...)

Спасибо восторгу под памяти блики,
когда задыхаешься сладкой слезой!
Что манит мощнее, чем звуки великой,
сильнейшей из арий, пропетой судьбой?

Спасибо за встряску рецепторов духа,
когда понимаешь, что жизнь удалась!
Что было в ней всё: от паралича слуха —
до «бисов» и «браво», откушанных всласть!

Над залом царят пируэты сопрано
и сладостный тенор, и трепетный альт, —
«Спасибо!» – шепчу, от crescendo до piano,
войдя в резонанс от макушки до пят...

Вилла Италия

На итальянском языке слова любви
звучат так искренне, так песенно, так нежно, —
по опере, как по реке безбрежной,
гондолой по Венеции плыви!

Со сцены оперной влетает в душу звук
сопрано арий. Закулисные интриги
(отчаянным вибрато длинной лиги)
так предсказуемы! Сопрано тайный друг

бросает храбро в теноровую глазурь
речетативы баритонова окраса:
то там, то здесь вступают тоны баса,
и вот уж тот – соринкою в глазу...

На итальянской опере – к любви
взывают дирижёры за пюпитром.
Отбросив сплин реальности избитой,
на вилле светлой арией живи!

Мечтательную сторону души
веди по вилле, как ведут либретто...
Прекрасный миг не повторится этот, —
ты оперу дослушать не спеши!

На итальянском языке слова любви
звучат как пенье птиц на ветках рая...
По итальянской светлой опере ступая,
любовь и музыку, как музу, призови!

Нью-Йорк, Нью-Йорк...

По мотивам нью-йоркского славного,
по мотивам бродвейского мюзикла,
голосами свингующих, джазовых
звёзд Америки начат концерт!

Не хватает высотного, главного,
небоскрёбного вида, а музыка
переносит в Америку разово,
поднося музыкальный десерт.

Эту слаженность ритмов и вольности,
спиричуелсом трактуемых песенным,
объясняешь Америк ментальностью
и движением полутонов, —

ухо негра, привыкшее к тонкости
четвертей гаронической лестницы,
не имеет сойтъя с реальностью,
приходя из космических снов...

Мы как-будто в Нью-Йорке, украшенном
гаммой стикеров мюзиклов брендовых.
Зал с солистами – арий талантливых
распевает цветистый веноч!

Жизнь была бы пустою и странною,
если б музыке не было преданных,
если б мир не пестрил номинантами
на несущих гармоний зарок!

Интервью

Как вы росли, какой из инструментов был первым шагом к музыке? Когда, в какой из важных жизненных моментов намечен (вами, богом?) путь сюда?

Когда пацан, футболом увлечённый, вдруг понимает то, что он – певец? А позже, в фрак концертный облачённый, посмотрит в зал, а там – его отец...

А девочки-пичужки, – в то мгновенье, когда замрёт от музыки душа, — когда вы принимаете решение на сцену выйти, оперу верша?

Ответа нет. Стеченье обстоятельств, судьба, учителя, парад планет... Но вы храните, в гамме обязательств, свой голос – музыкальный инструмент!

Я тоже пела. Оперой болея, мечтал мой папа слышать голос мой с подмостков сцены! Силы не жалея, учил вокалу, приходя домой...

Но – не судьба. Решилось в пользу физик. Со мною папка не общался год... Ах, как был прав мой милый, славный «лысик»! Как жаль, что не подействовал бойкот...

Золушка или Торжество добродетели

*по мотивам оперы Джоакино Россини «La Cenerentola»
(март 2016, Тель-Авив)*

Я не любитель Золушек и Принцев,
оракулам наивности – не верю!
И, априори, зло и добродетель
воспринимаю с знаками «вопрос»...

Но торжеству искусства поклониться
я, как обычно, в оперные двери
вхожу, желанной музыки свидетель, —
попутный ветер вновь в партер занёс!

Но музыка, но музыка Россини
меня с либретто плоским примиряет!
Речетатив прелестный с клавибором —
десерт для итальянских светлых вин...

И постепенно и партер спесивый,
и ложи – голос ангельский пленяет,
и мастерство, в созвучии с аккордом,
роняет в зал Рамиро-херувим...

А Анжелина крови итальянской
не уступает звучностью и тембром.
Неимоверной молодостью дышат
сценические образы кулис!

И юный дирижёр движеньем царским
смирил поток бельканто, драйва, темпа, —
сичу в оцепенении... И слышу,
как мой сосед грохочет: «Браво! Бис!»

Маски и игры. Триптих

*под впечатлением от концерта камерной музыки 18 марта 2016
года*

«Детский уголок». Клод Дебюсси

Ребёнок Клода Дебюсси – его дочурка Шушу²³.
Фортепианных мук этюд. Затрачен целый день!
А солнце золотит в саду и яблони, и груши.
И бабочки на лепестки отбрасывают тень.

Затем – свобода! Поскорей, к слону – и убаюкать.
И серенаду кукле спеть, хоть кукла и нема.
Потом – январь. Танцует снег. А птицы все – на юге,
и только маленький пастух смеётся, что зима!

Ещё есть друг Полишинель. Секрета не нарушу,
если скажу, что от него всё в доме – набекрень!
Ребёнок Клода Дебюсси и ученица – Шушу.
Фортепианных мук этюд. Затрачен целый день.

²³ Сюита для фортепиано К. Дебюсси «Детский уголок» была написана и опубликована в 1908 году. Композитор посвятил её своей маленькой дочке. Наряду с высокой поэтичностью, Дебюсси привнёс в музыку цикла и шутивную иронию, и мягкий ласковый юмор. Все это показывает его отношение к дочери, к её детским выдумкам.

«Петрушка» Игоря Стравинского

Звоны колокольные. Масленица пьяная.
Массовы гуляния. Русский балаган.
Что в основе ревности? – Перебранка рьяная.
(Девушка влюбляется. Он – из мусульман.)

Осудили, грешного. Заключили в камеру.
Надавали в камере сильных тумачков.
Выбрался на волюшку. Возвратился. (Пламенно
любит танцовщица не его...) Без дураков

и без снисхождения – убивают, милого.
Он ведь только кукла – и не более того...²⁴
Но на мёртвом личике проступает мимика,
а из тушки порванной – светит естество!

Отрывайся, кукольный! Жарь и жги Петрушкой!
Покажи, как кукольно можешь ты любить!
В жизни «фиолетово», – парнем ли, игрушкой...
Ведь в стравинской музыке важно – чтобы жить!

²⁴ По задумке автора Петрушка, который является набитой опилками балаганный куклой, вдруг обретает человеческие чувства, способность любить, чувствовать одиночество и страсть (1911).

«Лунный Пьеро» Арнольда Шёнберга

Святы, как распятые, строки,
кровь впитавшие поэта,
что заклеван черной стаей
коршунов, над ним кружащих.

Альбер Жиро. «Лунный Пьеро»
Трижды семь стихотворений Альбера Жиро.
{Афонических строений время не пришло.}
Психоделикой, нью-артом экспрессионизм

Шёнберга²⁵ скандальным актом в воздухе завис...
Здесь Пьеро-поэт в подлунном мире, полупсих,
«зажигает» вальсом умным и луной висит...
Здесь мадонна вырывает сердце из груди, —
горе матери не тает, вечность впереди...

И гигантских чёрных крыльев тень затмит хрусталь...
(то ли сказкой, то ли былью, то ль — поэтом стань!)
Тёмно-красные рубины смотрят из гробов —
выворачивают мимы руки для оков...

И клинок, луну разящий, и кресты в крови, —
всё в синкопе восходящей, дышащей любви!
Позабыл на миг кривлянья «лунный» наш Пьеро, —
время музыки «на грани», видимо, пришло...

²⁵ Арнольд Шёнберг родился в 1874 году в венском квартале Леопольд-штадт (бывшем еврейском гетто) в еврейской семье. Его мать была учительницей фортепиано. Отец был владельцем магазина. Арнольд был в основном музыкантом-самоучкой, бравшим уроки у своего шурина. В 1901–1903 годах жил в Берлине, вёл класс композиции в консерватории Штерна. В 1903 году вернулся в Вену, где работал преподавателем в одной из музыкальных школ. Летом 1910 года создаёт вокально-инструментальный цикл «Лунный Пьеро» («Pierrot Lunaire»), на стихи Альбера Жиро, используя изобретённый им метод – вокальная речитация, нечто среднее между чтением и пением. В 1910-х годах его музыка была популярна в Берлине в среде экспрессионистов.

по бетонной стене...

Январь 2016. Тель-Авив. Верди. «Трубадур». Солисты в новой постановке – певцы, исполняющие партии в операх Верди на ведущих сценах мира – в «Метрополитен-Опере» в Нью-Йорке, в «Ла-Скала» в Милане, в «Ковент—Гарден» в Лондоне. Видео-работы Михаль Ровнер показаны на трех экранах, ставших интегральной частью сценографии этого оперного спектакля. Михаль Ровнер – израильская художница видео-арта – суперизвестна в мире в своей области, ее можно назвать культовой фигурой видео-арта. В разных странах мира прошло более 60 персональных выставок Михаль Ровнер, в том числе, и ретроспектива в нью-йоркском музее «Уитни», на Венецианском биеналле, неоднократно в Москве и в Парижском Лувре. Одна видео-фреска известна всем – по огромной бетонной стене нижнего патио бредут нескончаемые шеренги фирменных «человечков» Ровнер...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.